

Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока»

W. W. TARN, The Greeks in Bactria and India. Cambridge University Press, 1938. 539 стр., 1 таблица фотографий монет, 1 генеалогическая таблица, 3 карты.

Книга В. В. Тарна является по своему замыслу первой исторической в собственном смысле слова монографией по греко-бактрийскому царству.

Автор не ограничивает своих задач, как подавляющее большинство его предшественников, установлением хронологии и династической взаимосвязи отдельных правителей, географической локализацией упоминаемых в источниках пунктов и народов, выяснением общей схемы исторических событий и некоторых вопросов культурной истории. Все эти вопросы нашли богатое и разностороннее отражение в его труде, но он идет значительно дальше, пытаясь разрешить основные вопросы гражданской, социально-экономической и политической истории.

В. В. Тарн делает вместе с тем смелую попытку порвать с вековой традицией отрыва истории Греко-Бактрии от истории всего эллинистического мира (Введение, стр. XX). Он пытается—во многом успешно—показать, что не только события истории греческого владычества в Бактрии и Индии не могут быть поняты в отрыве от истории эллинистического Средиземноморья, но и обратно—многое в истории этого последнего встает в новом свете при учете фактов истории эллинистического «Дальнего Востока» (Far-East), как он называет страны к востоку от Великой Персидской пустыни (в противоположность Среднему—между этой пустыней и Евфратом— и Ближнему—к западу от Евфрата и Сирийской пустыни).

«Есть не четыре эллинистические династии,—пишет В. В. Тарн,—Селевкиды, Птолеми, Антигоныды, Атталиды,—а пять, и в известном отношении Евтидемиды как по размерам их владений, так и по тому, что они пытались осуществить, гораздо более значительны, чем Атталиды, находившиеся преемственно под покровительством сперва Египта, а потом—Рима» (стр. XX).

С этим утверждением В. В. Тарна нельзя не согласиться, и подчеркнуть его тем более уместно, что его упрек в одинаковой мере относится не только к западноевропейской, но и к нашей историографии. Достаточно назвать хотя бы недавно вышедшую содержательную «Историю Греции» проф. В. Сергеева (М., 1939), где о греко-бактрийском царстве не говорится ровно ничего, лишь на странице 323 упоминается, что при Антиохе II отложились Бактрия и Парфия, а на стр. 334 Бактрия выступает в длинном перечне государств, в «большей или меньшей степени воспринявших эллинистическую культуру».

Изложению непосредственных исторических судеб Бактрии и Индии в эллинистический период Тарн предпосылает носящую характер широкого введения к теме исследования первую часть своего сочинения, озаглавленную им.: «The Background in the Middle East».

Эта вводная часть книги распадается на две главы: I. «Селевкидская колонизация» и II. «Литературные и социальные связи».

В первой из этих глав автор, развивая и углубляя как свои прежние исследования, так и работы других ученых, рисует картину греческой колонизации селевкидской Азии. В. В. Тарн характеризует колонизационную политику первых Селевкидов как реализацию продуманного плана Селевка и Антиоха I, стремившихся путем организации густой сети греческих военных колоний создать прочный костяк для того конгломерата разноплеменных областей и городов, какой представляли собой захваченные ими области Ахеменидской империи (стр. 5). Автор подчеркивает военный характер первоначальной селевкидской колонизации (стр. 6), прослеживая процесс создания на Востоке поселений греческих и переднеазиатских (малоазийских и сирийских) солдат и даль-

нейшую эволюцию этих поселений в направлении превращения их в законченные полисы с заимствованной с родины переселенцев конституцией и культом городских божеств (стр. 9—10 сл.). Наряду с этим автор прослеживает происходящую под влиянием греческих колонистов эллинизацию туземных городских центров, приближающихся также к типу эллинского полиса.

Наибольшее значение для характеристики исторической концепции В. В. Тарна имеют страницы, посвященные изменению земельных отношений селевкидской империи в результате колонизационной политики ее правителей (стр. 31—33). Здесь богатая эрудиция автора сталкивается с предвзятостью схемы, не выводимой из материала, а навязываемой ему.

Для В. В. Тарна нет никаких сомнений в том, что господствующей в ахеменидском Иране системой земельных отношений была система феодальная. Иранские «бароны», «крупные землевладельцы», обширные земли которых обрабатывались при помощи «крепостных крестьян» (serf peasantry),— вот тот общественный класс, который, по мнению Тарна, должен был уступить первое место в общественной жизни греческому и эллинизированному туземному городу.

«Вообще говоря,— пишет Тарн (стр. 32),—крестьянство повсюду в Персидской империи было крепостным (serf), прикрепленным к земле, продаваемым и покупаемым вместе с землей, живущим в своих собственных деревнях без какой бы то ни было корпоративной организации».

Для автора это положение является настолько бесспорным, что он не считает даже нужным сколько-нибудь аргументировать его.

Автор противопоставляет политику Александра, главной линией которой было обеспечение сотрудничества с «иранскими баронами», политике Селевкидов, которые «к лучшему или к худшему, не последовали примеру Александра, но резко повернули в сторону греческого города и своей собственной национальности» (стр. 32).

Автор говорит, что уже до Александра некоторые греческие города Малой Азии начали изменять положение своих крепостных, превращавшихся в *хатаксы*—«наследственных поселенцев». «Селевкиды продолжали это дело. Они не могли освободить всей массы крепостных, даже если бы хотели этого: с одной стороны, сама греческая цивилизация базировалась на рабстве и была бы возможна благодаря ему, с другой—вся земельная система Азии должна была тогда рухнуть. Но кое-что было действительно сделано. Система специальных судов для крестьян царских земель, хотя и упоминается только для Эолиды при Аттале I, была, должно быть, селевкидской. Селевкидская деятельность по основанию городов и продаже земель превращала в значительном масштабе царские земли в городские земли, и, поскольку земля становилась городской, крестьянин имел благоприятные условия для того, чтобы перестать быть крепостным. Но и помимо городов неорганизованная туземная деревня начала приближаться к организованному и квази-автономному поселению, и начали появляться большие, обнесенные стенами деревни со всем, что им присуще» (стр. 33).

Мы подчеркиваем этот тезис, ибо о его приложении к среднеазиатскому материалу и о сделанных отсюда Тарном далеко идущих выводах нам ниже придется говорить подробно.

В главе II первой части автор полемизирует с тенденциозными, по его мнению, утверждениями римских историков—прежде всего Ливия—о племенном смешении греков с аборигенами Азии и идущем якобы отсюда вырождении греческой расы и культуры в селевкидской монархии (стр. 37) и доказывает, что на деле такого смешения не было. что «микстэллинъ» составляли ничтожную прослойку, которую источники противопоставляют селевкидским грекам (стр. 38), что связи с культурной жизнью Греции не прерывались и самостоятельная дальнейшая разработка различных отраслей греческой культуры—литературы, философии, географии, истории—продолжалась на всем протяжении эллинистической эпохи не только на «Ближнем», но и на «Среднем» Востоке.

И здесь автор противопоставляет политику Александра, направленную на слияние греческого и местного элементов, политике Селевкидов, стремившихся к сохранению чистоты эллинской национальности и культуры (стр. 35).

В этой главе заслуживают особого интереса страницы, посвященные греческим историкам, жившим и писавшим на Среднем Востоке (стр. 44—53),—раздел, имеющий характер источниковедческого введения ко второй, основной части книги. Особенный интерес представляют попытки автора выяснить облик авторов двух основных литературных источников по истории Греко-Бактрии—Аполлодора, дошедшего до нас в изложении Страбона, и анонимного «источника Трога», труд которого прошел через двойную переработку и искажение: в труде римского историка Помпея Трога и в позднейшем сокращенном изложении труда Трога Юстином.

Основная часть книги состоит из семи глав (3—9): 3. «Евтидем и Бактрия»; 4. «Деметрий и вторжение в Индию»; 5. «Антиох IV и Евкратид»; 6. «Менадр и его царство»; 7. «Кочевническое завоевание Бактрии»; 8. «Греки и саки в Индии»; 9. «Греки и Индия».

Помимо этих глав, в конце книги отнесены один «экскурс» и 21 «приложение», имеющие характер обширных, широко развернутых примечаний к отдельным положениям, формулируемым в книге, переросших в маленькие самостоятельные, преимущественно источниковедческие, исследования, размером от одной—двух страниц до полутора печатных листов. Стоит перечислить эти «приложения», они достаточно характеризуют как обилие и многообразие трактуемых в книге вопросов, так и полностью и разнообразие привлеченных источников:

Экскурс: «Милиндапанха и Псевдо-Аристей».

Приложения: 1. «Монограммы и места находок»; 2. «Имена на $\tau\upsilon\tau$ »; 3. «Генеалогические монеты (монеты-медали) Агафокла»; 4. «Йуга-Пурана Гарги Самхита»; 5. «Деметрий в Хатхигумпхской надписи Кхаравела»; 6. «Александрия Кавказская и Капица»; 7. «Антиох IV и храм Нанаи»; 8. «Печати из Селевкии»; 9. «Гибинь (Кюфен) и Арахозия»; 10. «Давань (Фергана)»; 11. «Хорасмия»; 12. «Ормуз: потерянное царство»; 13. $S\acute{a}yala\ \eta\ \chi\lambda\iota\ \text{E}\beta\delta\epsilon\rho\epsilon\delta\sigma\iota$; 14. «Предполагаемый Оксо-Каспийский торговый путь»; 15. «Современное состояние вопроса об Оксе»; 16. «Эра медной пластины Моги из Таксилы»; 17. «Монеты Гермея—Куюла-Кадфиза»; 18. «San и Rho»; 19. «Пандава-Панду и Пандхья»; 20. «Китайские источники»; 21. «Греческие названия тохаров».

Уже этот список показывает, что книга В. В. Тарна—результат большой и трудоемкой многолетней работы над всеми доступными автору видами источников: эта книга была задумана В. В. Тарном, как он говорит в предисловии, еще сорок лет назад¹. Не замыкаясь в рамки своей специальности историка эллинизма, он широко и нередко мастерски использовал восточные источники, пользуясь переводами и консультацией специалистов. Античные авторы, нумизматический материал, сыгравший и продолжающий играть столь крупную роль в разработке этого круга вопросов, данные новейших археологических работ в Сирии, Иране, Индии, Афганистане, древние индийские сочинения и надписи, китайские хроники—весь этот сложный и многообразный научный аппарат, разнохарактерность которого делает столь трудной работу в избранной В. В. Тарном области, мобилизован им с редкой полнотой. Все время имея в виду свою основную тему, он попутно ставит и решает по-новому бесконечное количество источниковедческих, хронологических, историко-географических и историко-этнографических вопросов, выдвигая целый ряд новых, иногда убедительных, иногда (к сожалению, чаще) спорных гипотез.

Автор подчеркивает (стр. XXI), что его задачей не является выяснение всей истории бактрийско-индийского эллинизма. Основной объект исследования—полувековой период от 206 г. (поход Антиоха III на Восток) до 150—145 гг. (смерть Менадра). Исследование вращается вокруг четырех крупных исторических фигур: Евтидема, Деметрия, Евкратиды и Менадра. Однако на деле диапазон работы значительно

¹ Ср. в этой связи работу В. В. Тарна, Notes on Hellenism in Bactria and India, JHS, 1902.

шире. И «предистория» и последние столетия истории греков в Индии нашли в его книге хотя и менее детальное, но все же достаточно широкое отражение.

Важное место в труде Тарна занимает анализ чрезвычайно ценной, до сих пор вызывающей споры серии так наз. *pedigree coins*—«генеалогических монет» или «монет-медалей» некоторых бактрийских царей—в первую очередь Агафокла и Антимаха.

Автор справедливо считает, что монеты-медали отражают фиктивную генеалогию от Александра и реальную генеалогическую связь Евтидемидов с Диодотом и Селевкитами.

Исходя именно из этой серии, Тарн выдвигает гипотезу возникновения греко-бактрийской династии, расходящуюся с общепринятой. По его мнению, обособление Бактрии не носило характера восстания, а произошло постепенно, в процессе вызванного внешнеполитическими неудачами селевкидской монархии ослабления ее связей. Тарн снижает общепринятую дату обособления Бактрии (около 250 г.), считая (на основании монет-медалей Агафокла и генеалогических расчетов), что еще около 246 г. Селевк II выдал свою сестру за Диодота I и, следовательно, в это время «Диодот был еще селевкидским сатрапом» (стр. 74).

Уже первые шаги бактрийской династии оказываются в концепции Тарна гораздо теснее связанными с историей дома Селевкидов, чем это предполагалось ранее.

Несомненной заслугой Тарна в деле разработки вопросов взаимных генеалогических и хронологических отношений евтидемидского дома является его анализ евтидемидских монет, позволивший ему установить принадлежность определенной их группы художнику, именуемому им «X» (монеты Евтидема в старости, Деметрия в слоноьем шлеме и некоторые монеты Антимаха), и другой группы, объединяющей большое число монет и принадлежащей, по мнению Тарна, «школе X» (стр. 75—76).

Анализ *pedigree coins*, сменяющихся типов монет различных правителей, равно как и опыт установления их принадлежности различным мастерам завершаются попыткой дать новую сводную таблицу генеалогии Евтидемидов, которую, мы, ввиду ее несомненного интереса для наших читателей—историков ан гичной Средней Азии, приводим ниже.

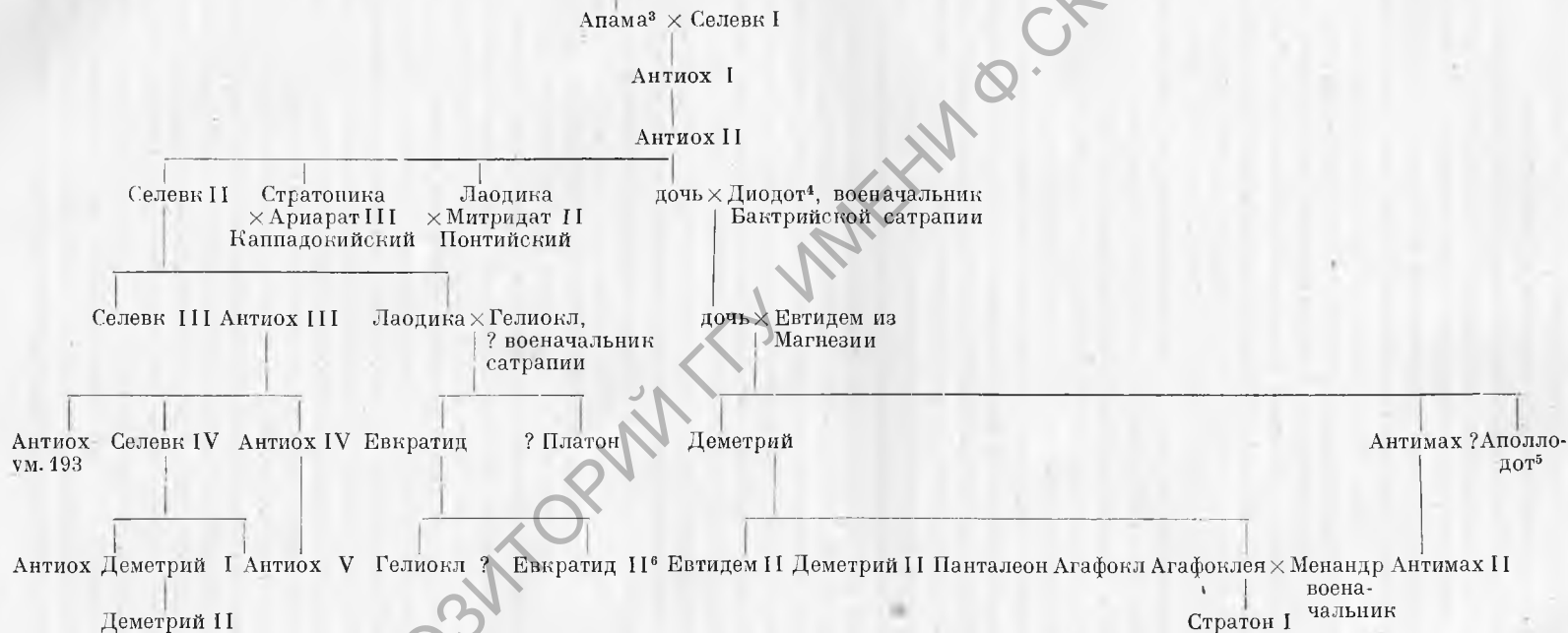
В. В. Тарн делает попытку по-новому осветить как факт превращения Бактрии из отложившейся сатрапии селевкидского царства в могущественную эллинистическую империю, так и те конкретные пути, по которым этот процесс развивался.

В центре внимания автора стоит здесь вопрос о внутренней политике Евтидема и его преемника, в которой он ищет источников политической мощи Бактрии. Евтидем и Деметрий выступают в его труде как продолжатели политической линии Александра Великого.

Аналогия между создателями Македонской и Бактрийской империи проводится Тарном всесторонне и последовательно. «История Македонии повторилась во всех чертах на Дальнем Востоке: Евтидем был Филиппом II, Бактрия—Македонией, распавшаяся империя Маурья—Персидской империей, а Деметрий—вторым Александром. Как Филипп завершил создание Македонии и сплачивание ее феодальных князей и ее племен в народ, действительно сознающий свое единство, так Евтидем сумел завершить процесс, начатый, быть может, другими,—превращения Бактрии с ее иранскими баронами, ее греческими колонистами, ее крепостным крестьянством в подлинное государство, которое скоро сделалось столь мощным, что отбросило кочевников, с одной стороны, и оказалось способным аннексировать большую часть Северной Индии—с другой... Евтидем в своих действиях следовал указаниям Александра: он примирился с крупными землевладельцами и обеспечил их сотрудничество (*co-operation*)... но что особенно удивительно, что он сделал это в то же самое время, когда он изменял положение крестьянства и превращал открытые деревни крепостных времен Александра в квази-автономные общины, обитающие в больших, обнесенных стенами деревнях, которые Чжан-цзянь нашел в Бактрии. Мы много бы дали за то, чтобы узнать его секрет» (*sic!* стр. 410).

Думаем, что не один В. В. Тарн дорого бы дал за то, чтобы «узнать секрет», как примирять интересы крепостных, «баронов» и колонизаторов. Однако объективное рассмотрение аргументов Тарна заставляет прийти к выводу, что в этом решающем пунк-

РОДОСЛОВНАЯ¹ ЕВТИДЕМИДОВ И ЕВКРАТИДОВ,
показывающая фиктивное происхождение от Александра
Александр × Роксана², дочь Дария III Персидского

- Примечания Тарна: 1. Несущественные имена отброшены. Полную селевкидскую генеалогию см. САН, VIII.
2. Историческая Роксана, на которой женился Александр, была дочерью бактрийского барона Оксиарта. Он также женился на дочери Дария III—Барсине.
3. Историческая Апама, на которой женился Селевк, была дочерью согдийского барона Спитамена, по всей вероятности члена дома Ахеменидов по материнской линии.
4. Диодот II мог быть только сыном Диодота от более раннего брака.
5. Вероятно, из царского дома, и вероятнее—брат Деметрия, чем представитель боковой линии.
6. Возможно, сын Гелиокла.

те своей работы он напрасно сожалеет об утере этого секрета. Никакого секрета и не было, так как не было и «экстраординарного» сотрудничества.

Автор выдвигает в пользу своей гипотезы, по существу говоря, три аргумента: два из них—для доказательства сотрудничества Евтидема с «баронами» и один—в пользу тезиса об улучшении положения крестьян.

Факт, что Евтидем выставил против Антиоха III на Герируде только бактрийскую конницу, причем в очень большом количестве (10 000 чел.), является, по мнению В. В. Тарна, достаточным доказательством того, что он в своей борьбе с Селевкидами больше рассчитывал на бактрийскую аристократию, чем на своих греков (стр. 124).

Одно по-бактрийски звучащее имя среди сатрапов—Евтидема—и одно такое же среди «членов совета пятисот»—Менандра—являются, по мнению автора, вторым аргументом, говорящим о привлечении бактрийских «баронов» к участию в управлении государством.

Оба эти аргумента не убедительны.

Но если этот пункт гипотезы Тарна по крайней мере правдоподобен (с поправкой, конечно, на то, что баронский титул весьма мало подходит родоплеменной аристократии бактрийцев), то с другим пунктом ее дело обстоит гораздо серьезнее.

В пользу теории о коренном изменении к лучшему положения крестьян при Евтидеме Тарн выдвигает лишь один аргумент. На стр. 120—124 и в приложении 10 (стр. 475—477) он стремится доказать, что до македонского завоевания Бактрия и другие среднеазиатские страны не знали укрепленных поселений, за исключением персидских пограничных крепостей, и что «тысяча городов» Трога Помпея и многочисленные «города» Ферганы и Бактрии Чжан-цзяня являются результатом политики греко-бактрийских царей, в данном случае совпадающей с селевкидской,—политики, приведшей к превращению крепостного крестьянства, живущего в открытых деревнях, в обитающие в укрепленных поселениях организованные автономные общины.

Прежде всего, странным является утверждение Тарна, знатока античных источников, что история похода Александра не знает укрепленных поселений в Средней Азии.

Во всех тех случаях, когда источники истории похода Александра в Среднюю Азию прямо говорят о согдийских и бактрийских поселениях, они говорят о них, как о п о с е л е н и я х у к р е п л е н н ы х. Шесть прияксартских «городов» В. В. Тарн совершенно произвольно пытается превратить в «персидские пограничные крепости». Против этого говорят, помимо отсутствия прямых указаний источников: 1) примитивный характер укреплений, позволивший Александру в течение трех дней взять все эти «города»; Арриан прямо указывает на примитивные («земляные и невысокие») стены одного из этих «городов»; 2) прямое указание Курция (VII, 6,17) на родовой характер этих поселений (одно из них является местом обитания рода (gens) Мемакенов (Memaceni). Повидимому, с очень древним именем племени к у р е ш а т о в, зафиксированным в древнеиндийской этнонимике героической эпохи, связано имя главного города этой области—Курешаты, который лишь греческая народная этимология превратила в Кирэсхата—Кирополис, связав ее с историческим Киром и тем самым введя в заблуждение Тарна и других сторонников превращения этих «городов» в «персидские пограничные крепости».

Но и помимо прияксартских городов, у нас немало прямых и косвенных данных об укрепленных селениях Согдианы и Бактрии в эпоху Александра. Напомню «небольшую деревню, окруженную стеной с воротами», где был взят в плен Бесс. Напомню егумата, куда скрывались согдийцы во время карательной экспедиции Александра в долину Политимета. Напомню, наконец, «скаль» Оксиарта и Хормена, где эти вожди выдерживали осаду македонян.

Археологические исследования последних лет полностью опровергают тенденциозную гипотезу Тарна. Не только укрепленные поселения оказываются восходящими к глубокой доакменитской древности, но и известные нам более поздние, относящиеся к эллинистическому времени, укрепления не несут никаких следов греческого влияния ни в смысле фортификации, ни со стороны внутренней планировки, что было бы неизбежно, если бы этот тип поселений сложился под непосредственным греческим влиянием.

Сошлюсь на результаты ферганской экспедиции ГАИМК 1933 г.¹, на плодотворные работы Г. В. Григорьева в бассейне реки Чирчика (1934)², на городище Тали-Борзу под Самаркандом (1936—1939 г.)³ и, наконец, на работы Хорезмской экспедиции ИИМК 1937—1939 гг.⁴.

Экспедиция 1939 г. выяснила планировку ряда античных хорезмийских укрепленных поселений городского типа. Никаких следов греческого влияния и здесь не обнаружено. Крестообразный типовой план эллинистического города, намеку на который в Милиндапанха Тарн придает такое большое значение (стр. 419), совершенно не представлен. Особенно характерна Джанбас-кала, укрепленное поселение последних веков до н. э. и, может быть, самого начала нашей эры.

Застройка городища двумя сплошными, лишенными внутренних улиц, кварталами, каждый из которых состоит из многих десятков комнат, говорит о глубоком архаизме и традиционности уклада общинной жизни этого маленького городка, центром которого являлся «дом огня»—зороастрийская трансформация первобытного «мужского дома».

Как доказали новейшие исследования советских историков, поверхностная «теория» об «ахеменидском феодализме» не выдерживает никакой критики при более внимательном анализе материала: никаких «ахеменидских баронов» вообще не существовало, в этом вопросе в литературе капиталистических стран господствует недопустимое смешение пережиточных категорий первобытно-общинного строя (родовые и племенные вожди) с категориями феодального общества («бароны», «крупные землевладельцы» и т. п.)⁵.

В целом идиллическое государство Евтидема—не более, как реакционная утопия, сочиненная самим Тарном и не базирующаяся ни на каких фактических основаниях.

Что касается других сторон исторической роли Евтидема, то Тарн и здесь несколько преувеличивает. Так, очень шаткими являются основания для его утверждения о распространении власти Евтидема на территорию бассейна Тарима (стр. 84 сл.).

Нахождение в собранных в древних городах Син-цзяна текстах, написанных алфавитом карошти, нескольких греческих слов (статер, драхма, медимн—характерен самый подбор терминов!) не может служить доказательством этого тезиса. Тарн забывает, что эти слова вполне могли быть заимствованы из согдийского, где они прочно вошли в обиход. Оживленная согдийская колонизация в Восточном Туркестане в течение многих столетий, очень большая культурная близость между Восточным Туркестаном и Согдианой и даже Хорезмом делают это предположение наиболее вероятным. Напротив, датировка проникновения этих слов в языки Восточного Туркестана временем Евтидема основывается лишь на горячем желании автора возможно более возвеличить излюбленного героя—не более.

Зато не лишена остроумия и, может быть, небезинтересна для выяснения побудительных предпосылок движения Евтидема и Деметрия на северо-восток гипотеза Тарна о роли в этом скифского золота.

Автор убедительно показывает (стр. 104 сл.), что, в то время как в эпоху Ахеменидов Бактрия была едва ли не основной поставщицей золота для персидских царей (надпись Дария I из Ападаны в Сузах, 35), в эпоху Евтидемидов золотые монеты в Бактрии почти не чеканились. Нельзя не признать в этой связи весьма вероятной гипотезу Тарна, что бактрийское золото времен Дария было, на деле, сибирского происхождения и лишь транпортировалось через Бактрию и что Сибирь же была одним из источников легендарного «муравьиного золота» Индии (другой его источник Тарн ищет в Юннани). В эпоху

¹ Работы на новостройках, ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 120 сл.

² Г. В. Григорьев, Отчет об археологической разведке в Яншюльском районе Уз. ССР в 1934 г., Ташкент, 1935.

³ «Социалистическая наука и техника». Ташкент, 1938, № 2—3, стр. 7 сл., «Краткие сообщения ИИМК», 1939, № 1, стр. 34.

⁴ С. П. Толстов, Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3.

⁵ По вопросу об этом смешении см. мою работу «Военная демократия и проблемы генетической революции». ПИДО, 1935, № 7—8, стр. 202 и др.

Евтидемов «золотой путь» из Сибири через Бактрию был, по мнению Тарна, закрыт вследствие передвижения племен Центральной Азии (стр. 109). Как попытку его восстановления Тарн и рассматривает походы Евтидема на восток и северо-восток в сторону серов (в которых он, следуя Германну, пытается видеть не китайцев, а у-суней бассейна Иссык-Куля, стр. 111) и фурунов, или фунов (в которых он, полемизируя с идентификацией Томашена, отказывается видеть хуннов, считая, что здесь надо видеть общее название для народов Кашгарско-Яркендской, или Хотанской, области, стр. 85). Как бы ни относиться к этим гипотезам (на мой взгляд, гораздо менее убедительным, чем старые гипотезы Томашена и др.), общее направление движения Евтидема на Восток от этого не меняется. В концепции Тарна восточные, очень далекие рейды греко-бактрийских конквистадоров в поисках Сибирского Эльдорадо мне представляются гораздо более вяжущимися с общим характером действительной, а не измышленной политики греческих царей «Дальнего Востока», чем по существу ни на чем не основанное предположение о прочном освоении греками Ферганы и Восточного Туркестана.

Несколько слов об административной системе Евтидема, как ее пытается реконструировать Тарн. Он рисует Бактрийское царство разделенным на несколько крупных областей, управлявшихся членами царствующего дома в качестве царей-наместников (*sub-kings*), противопоставляемых им «царям-соправителям» (*joint-kings*). Институт «царей-наместников» Тарн (стр. 90) считает нововведением Евтидема. Парфяне, «эти величайшие имитаторы», заимствовали, по мнению Тарна, идею «*sub-kings*» от бактрийских греков.

Думаю, что это неверно. Сатрапы Бактрии при Ахеменидах неизменно были членами царствующего дома. Парфянскую систему мы встречаем на протяжении многих веков как общую для всех бесчисленных династий кочевых завоевателей Средней Азии. Только Шейбани в XVI в. нарушает этот принцип, продолжая еще в XVII в. жить в более отсталом Хорезме. Корни его не в политическом изобретательстве Евтидема, а в архаической родовой традиции, в своеобразной проекции отношений родового строя на политическую структуру государств, слагающихся в процессе варварских завоевательных движений. Если институт *sub-kings* и был свойственен греко-бактрийскому царству, то скорее его корни нужно искать либо в Парфии, либо в местной, восходящей к Ахеменидам, традиции. Впрочем, самый факт существования этого института остается по меньшей мере сомнительным.

В качестве примера такого *sub-king*'а большого бактрийского наместничества Тарн для эпохи Евтидема приводит одного лишь Антимаха, которого он считает царем-наместником Маргианы, и морские символы на его монетах пытается связать (стр. 91) с его победами над Аму-Дарьинскими «водными саками» (*Apasaka-Apasiasae*, Томашенек, 1883, стр. 218). Остальные *sub-kings* относятся уже ко времени Деметрия, и мы скажем о них ниже.

Однако и в отношении Антимаха Тарн не может не выразить недоумения, чем объяснить, что скромный *sub-king* Антимах носит претенциозный титул «Теос»—«бог», присвоить который при жизни не рискнул ни могущественный Евтидем, ни «второй Александр»—Деметрий.

Тарн (стр. 92) не в состоянии ничего предложить для разрешения этого естественного недоумения, кроме забавного изречения, что «то, что великий царь думает, маленький царь говорит». Аргумент, конечно, очень слабый, и нам придется ниже еще раз вернуться к выяснению действительного исторического места Антимаха.

Выдвигая на весьма шатких основаниях роль Евтидема как политического реформатора, Тарн, опираясь на еще менее убедительные аргументы, безмерно преувеличивает роль греков Евтидема в культурной истории Средней Азии.

Так, совершенно ни на чем не основано голословное утверждение В. В. Тарна, что согдийская письменность возникла в эпоху греческого господства (стр. 304). Попытка опереться здесь на нумизматический материал (постепенная замена греческих надписей на монетах согдийскими) явно несостоятельна. Этот процесс свидетельствует не о развитии согдийской письменности, зародившейся (здесь не может быть двух мнений) уже в эпоху Ахеменидов, а о постепенной утрате греческим языком и

алфавитом их политического значения. Тот же процесс мы наблюдаем гораздо позднее (III—V вв. н. э.) в Хорезме (см. нашу статью в ВДИ, 1938, № 4).

Роль греческого завоевания в истории культуры Средней Азии была очень велика. Но рисуемая Тарном картина государства Евтидема является совершенно неубедительной и отражает не то, что было, а то, что хотелось бы Тарну видеть в государстве излюбленного им монарха.

Вторым историческим деятелем, вокруг биографии которого Тарн строит следующий раздел своего повествования, является «второй Александр» — Деметрий, сын Евтидема, завоеватель Индии.

Весьма ценной является разработка Тарном вопросов географии и хронологии завоеваний Деметрия, захвативших между 187 и 184 гг. на юго-западе Арахозию, Арию и Сеистан и, может быть, Гедрозию (стр. 93—94), на юго-западе достигших реки Нербудды и гор Виндхья, а на юго-востоке — Паталипутры¹.

Задачей «второго Александра», по Тарну, явилось восстановление под властью Евтидемов империи Маурья, переживавшей период политического распада (стр. 131 сл., 152 сл.). Этим, по мнению Тарна, определяются и направление и границы завоеваний Деметрия, политика которого в отношении наследства Чандрагупты была такою же, что и политика Александра в отношении наследства Кира.

В этой связи небезинтересно привести гипотезу, рассматриваемую Тарном как вероятную, о родственной связи между династией Маурья и Селевкидами через брак Чандрагупты с селевкидской принцессой (стр. 152, 174, 176). «Если Маурья действительно имели селевкидскую кровь, он (Деметрий) мог также прокламировать, что он пришел как родственник и наследник угасшей династии», пишет В. В. Тарн (стр. 176).

Третьей из цепи исторических фигур, вокруг которых Тарн строит свое изложение, является Евкратид, биографии которого Тарн дает совершенно новую трактовку. По его мнению, история борьбы Евкратиды с Евтидедами неразрывно связана с политикой Антиоха IV Эпифана. Евкратид, по его мнению, — военачальник Антиоха IV, связанный с селевкидской династией родством по женской линии, правитель его восточных владений. Создание могущественной бактро-индийской империи Деметрия, угрожавшей государству Селевкидов с Востока, побудило Антиоха и Евкратиды предпринять поход против Деметрия и, используя нахождение его в Индии, нанести удар прежде всего против его наследственных среднеазиатских владений. Захватив Среднюю Азию и вторгнувшись за Гиндукуш, Евкратид принял царский титул, сохраняя, однако, по мнению Тарна, лояльность по отношению к Антиоху IV. Аргументы в пользу этой теории, которыми располагает Тарн, очень немногочисленны: 1) Наличие на реверсе одной из монет Евкратиды парного изображения «Гелиокла и Лаодике», последняя — в царской диадеме. Тарн видит в этом доказательство того, что отцом Евкратиды был селевкидский «генерал» Гелиокл, женатый на селевкидской принцессе, носившей одно из традиционных в династии Селевкидов имен. 2) Появление на монетах Евкратиды синхроничных селевкидских типов. 3) Присвоение Антиохом IV титула «Сотера», говорящего о «спасении» селевкидского государства от какой-то серьезной опасности, какой, по мнению Тарна, могла быть только опасность со стороны империи Деметрия. 4) Изображение Диоскуров на монетах Евкратиды, якобы символизирующее тесное содружество между ним и Антиохом IV.

Вот, в сущности говоря, и все, на что может опереться Тарн, чтобы аргументировать свои весьма ответственные выводы, целиком неспровергающие сложившийся в науке взгляд на Евкратиды как на мятежного сатрапа одной из северных провинций бактро-индийской империи Евтидема — Деметрия.

Свидетельства, противоречащие его концепции, отбрасываются им с большой легкостью.

Так, показание Трога Помпея о том, что Евкратид в начале своего восстания рас-

¹ Заслуживает, между прочим, внимания гипотеза Тарна о происхождении имени Термез — «Деметрия».

полагал всего 300 воинов. он объясняет тем, что автор источника имеет в виду только г в а р д и ю этого «селевкидского генерала».

Указание Трога на происходящее около этого времени восстание в Согдиане он трактует как доказательство того, что Евкратид действовал в контакте с верными селевкидскому дому и враждебными политике Евтидема—Деметрия греческими колониями Согды, хотя никаких данных, что речь идет о восстании греков, а не согдийцев, у него нет.

Полное молчание Трога о том, что Евкратид был «генералом» Антиоха IV, легко объясняется. по мнению Тарна, безнадежной испорченностью источника.

Считая весьма вероятным, что Евкратид в своей борьбе против Деметрия мог опираться на союз с Антиохом IV, признавая даже, что его предполагаемая мать Лаодике могла быть в какой-то связи с селевкидским домом, мы не можем следовать за Тарном в его, по существу чисто фантастической, истории похода «полководца Антиоха IV» на Бактрию. Гораздо естественнее попрежнему видеть в Евкратиде руководителя восстания греческих поселенцев Бактрии, воспользовавшегося долгим отсутствием царя, и рассматривать восстание Евкратиды как одно из проявлений внутренней слабости обширной империи Евтидема—Деметрия, где единственной связующей силой являлась ничтожная горсть греческих поселенцев, наиболее надежные элементы которых, по всей вероятности, были уведены Деметрием на юг. Предприятия Деметрия были значительно шире той реальной базы, на которую он мог опереться, и крушение его империи было совершенно неизбежно.

Переходим к четвертой фигуре—Менандру, наиболее прочно из всех царей вошедшему в индийскую историческую традицию и канонизированному в южнобуддийской литературе.

Анализом данных Милиндапанхи («Экскурс») Тарн убедительно показывает, что в лице Менандра мы имеем человека, не принадлежащего к евтидемидской династии. Весьма возможно, что Тарн прав и в том, что именно к Менандру относится утверждение индийского источника, что «у греков рабы могут сделаться царями» (стр. 141). Но дальнейшие конструкции Тарна гораздо менее обоснованы. Здесь он снова вступает на путь весьма натянутых сопоставлений и заключений, отнюдь не прямо вытекающих из исторических фактов, а лишь с большей или меньшей долей вероятности допускаемых ими.

Спорным является взгляд на Менандра как на лояльного проводника евтидемидской политики, так сказать, продолжателя евтидемидской традиции. Как раз концепция о единой политике Евтидема—Деметрия является наиболее неприемлемой частью всего построения Тарна.

Есть все основания видеть в Менандре фигуру, параллельную не Евтидему—Деметрию, а Евкратиду. Если и принять тезис о браке Менандра с дочерью Деметрия,—это нисколько не мешает видеть в этом наиболее выдающемся из греко-бактрийских царей то, чем он действительно был,—узурпатора царской власти, захватившего часть индийских владений Евтидемидов примерно в то же самое время, когда Евкратид захватил их среднеазиатские владения. Параллель будет особенно полной, если принять гипотезу Саллета о том, что Лаодике на монете-медали Евкратиды была женой не отца последнего, а его сына. И в том и в другом случае узурпаторы, северный и южный, узаконяют присвоение царской власти путем браков с представителями низвергнутой династии.

Характерным моментом, отразившимся в монетной иконографии этой эпохи, является широкое распространение изображений царей не в диадемах, а в боевых шлемах—факт, типичный для монет Евкратиды, для монет Платона, для некоторых монет Менандра, для монет Стратона и Агафоклеи (последняя также изображена в шлеме) и для ряда последующих греко-индийских царей.

Место легитимных, увенчанных диадемой Евтидемидов занимают воинственные «императоры», символика монет которых показывает, что социальной опорой их власти является прежде всего приведшая их к этой власти армия.

Здесь уместно вновь вернуться к pedigree coins Агафокла и Антимаха.

Странно, что Тарн, неоднократно подчеркивающий значение монет как политических документов, своего рода предельно сжатых манифестов или прокламаций (ср. стр. 17^c), и детально анализирующий указанные *pedigree coins*, не попытался подвергнуть специальному анализу в высшей степени характерную символику монет обоих царей. Может быть, это объясняется тем, что такой анализ неизбежно привел бы к крушению одного из важных звеньев созданной им схемы?

На наш взгляд полное тождество политической символики монет обоих царей позволяет установить факт одновременности их правления и весьма тесной связи между ними, а самый характер указанной символики—энергичное подчеркивание высокой генеалогии обоих царей—позволяет установить и время чеканки этих монет. Это—эпоха военных узурпаторов, матримониальные предприятия которых демонстрируют то значение, которое династийная традиция еще имела в глазах бактро-индийских греков. Агафокл и Антимах своими генеалогическими монетными сериями гордо противопоставляют себя этим «рабам, сделавшимся царями», и пытаются использовать это значение в своей, вероятно весьма трудной и, по всем данным, закончившейся для них трагически, борьбе против идущих отовсюду к власти вождей греческой военщины, разрывавших на части (да позволит мне В. В. Тарн продолжить его аналогию с Македонией), как некогда диадохи, империю «второго Александра».

Я не берусь прибавлять новую точку зрения на вопрос о месте этих царей в генеалогии к бесчисленным, уже выдвинутым ранее. Несомненен лишь факт, что они—Евтидемы и правили после гибели Деметрия. Не буду входить и в дискуссию о месте их владений. Думаю, что места находок их монет позволяют искать их где-то либо в центральной, либо в западной и северо-западной части владений Евтидемов (Сеистан, Маргиана, Согд, Таксила?).

Во всяком случае их монеты—яркий документ времени крушения основной линии евтидемов, времени войн «диадохов» Деметрия.

*

Проблема политической линии Менандра и отношения его политики к политической линии Евтидема и Деметрия заслуживает того, чтобы на ней остановиться особо.

Попытка Тарна выявить специфические, отличные от селевкидской политики, черты политики Евтидема и противопоставить ей политику Евкратиды, якобы проводника «националистической» линии Антиоха IV, потерпела неудачу.

Гораздо большая доля правды содержится в трактовке Тарном вопроса о политике Деметрия. Его гипотеза о попытке Деметрия копировать Александра и о претензии его на наследство великих Маурья звучит достаточно правдоподобно. «Слоновый скальп», увенчавший голову завоевателя, тот факт, что, повидимому, именно Деметрий начал впервые чеканить двуязычные монеты с индийским титулом магараджи,—все это говорит скорее в пользу гипотезы Тарна.

В заключительной части главы, посвященной Деметрию, Тарн пытается выяснить те общественные группы Индии, на которые опирался Деметрий. Он видит эту опору, с одной стороны, в «полуиндийских» племенах северо-западной Индии (стр. 169—172), с другой—внутри самого индийского общества в касте кшатриев. Брахманы рассматриваются Тарном как противники греческого господства.

Тарн видит, вместе с тем, в индийских буддистах, последователях религии, основателем которой был кшатрия Гаутама (стр. 174—175), естественных союзников греков в борьбе против общего врага, фанатика брахманизма,—Пушьямитры.

Концепция Тарна о широком использовании греческими завоевателями гражданской войны в Индии и борьбы между брахманской и буддийской партиями является наиболее правдоподобной из его общеисторических построений гипотезой, во многом объясняющей быстроту и территориальный размах греческих завоеваний.

Стремление опереться на местные элементы должно было с еще большей силой проявиться в политике «диадохов» и «эпигонов» Деметрия, императоров-военачальников,

узурпировавших власть в отдельных провинциях бактро-индийской империи Евтидемидов.

Нумизматический материал не дает нам основания установить здесь, как это делает Тарн, принципиальное различие между политикой Евкратиды—Гелиокла и политикой Аполлодота—Менандра. Все они одинаково чеканят, наряду с греческой, двуязычную монету индийского типа, все они именуют себя в легендах на этих монетах индийскими титулами. Никакой борьбы между якобы евтидемидской политической традицией Деметрия—Менандра и селевкидским национализмом Евкратиды—Гелиокла на деле усмотреть невозможно.

Политика наиболее значительного из диадохов Деметрия, Менандра, отразившаяся в Милиндапанхе, помогает нам многое понять в истории этой темной эпохи.

Союз с буддизмом, отраженный в этом произведении, был единственным путем для сохранения власти над индийскими областями в руках греческих династов.

Большой интерес представляет историко-географическое исследование Тарном подчиненной грекам части Индии, в котором он базируется на данных по преимуществу Птолемея (стр. 227—251). Анализ названий областей (большинство которых оканчивается на -*γῆ*, см. прил. 2) заставляет автора говорить о попытке введения в Индии селевкидской административной системы, преломленной через бактрийскую практику.

Трактовка вопроса о завоевании Бактрии кочевниками, даваемая В. В. Тарном, идет в русле большинства новейших работ, посвященных этому вопросу. Юе-чжи—та основная сила, которой было суждено нанести решающий удар власти диадохов Деметрия к северу от Гиндукуша, а столетие с небольшим спустя—и к югу от него, являются, по Тарну, случайными пришельцами из далеких стран, «неизвестным народом с границ Китая». Кочевники Средней Азии, старые соседи бактрийских греков, не имея ничего общего с этими «неизвестными» завоевателями, играют в процессе разрушения Греко-Бактрии лишь пассивную роль, захватывая по частям отдельные осколки разрушенной «чужеземцами» империи. Автор снижает общепринятую дату юе-чжиского завоевания, помещая ее между 141 г., когда в последний раз Бактрия как союзник Селевкиды Деметрия II против Парфии, упоминается в античных источниках (Ю с т и н, XXXVI, 1, 4, Т а р н, стр. 273). и 128 г., по Шаванну-Гирту,—годом посещения юе-чжи Чжан-цзинем, скорее ближе к последней дате («это не могло быть много раньше, если это вообще было раньше 130 г.», стр. 277).

Тарн посвящает ряд страниц в основном тексте (284—295) и три экскурса («Хорасмия», «Китайские источники» и «Греческие названия Тохаров») сложному и имеющему обширную литературу вопросу об этническом составе тех «кочевнических орд», которые опрокинули греко-бактрийское царство.

По его мнению, китайский термин юе-чжи соответствует *Asii-Asiani* античных авторов и является именем говорившей на сакском языке племенной группировки, подчинившей себе разноплеменную массу кочевников. Он не согласен (стр. 185) с мнением «очень многих ученых, от Рихтгофена до Герцфельда», которые отождествляли тохаров и юе-чжи. Тохары, по его мнению,—один из составных элементов подчиненной юе-чжи орды, пришедшей с ними вместе в Среднюю Азию из Кансу.

В споре об этнической принадлежности тохаров автор, соглашаясь с невозможностью отождествлять конкретные языки кентум, зафиксированные в восточно-туркестанских документах VIII в. н. э., так наз. диалекты А (Агни-Карашар) и В (Куча), с языком исторических тохаров, завоевавших Бактрию, тем не менее считает, что народом, принесшим некогда в Восточный Туркестан индоевропейский язык группы кентум, могли быть только тохары, однако не те, которые как часть «больших» юе-чжи вторглись в Бактрию, но тохарский элемент «малых» юе-чжи, которые после 174 г. до н. э. двинулись в Китайский Туркестан (стр. 289).

Оставляя открытым вопрос о языке тохаров, вторгшихся в Бактрию, автор считает возможным предполагать, что «через некоторое время после завоевания они приняли речь своих кушанских повелителей» (стр. 290). Для II в. до н. э. Тарн предполагает наличие в юе-чжиской орде двух этно-лингвистических элементов—сакского и тохарского.

Сэ или Сэк китайских источников Тарн предпочитает именовать Sai-wang (стр. 276 сл.), считая второй компонент этого слова, иероглиф «ван» (wang) — «царь» — лишь средством для фонетического выражения второй части этнического имени. Отожествление Sai-wang с сакарауками, которое делает Германи, Тарн не считает целиком правильным (стр. 278). Движение Sai-wang под давлением юе-чжи через «висячий переход» (горные дороги Памира в Гибинь) наш автор считает, вслед за Герцфельдом, невероятным, видя в китайском рассказе лишь домысел хрониста, пытавшегося известных ему загиндукушских саков провести из Средней Азии обычным для китайских послов и купцов путем (стр. 178).

Эта трактовка китайского рассказа позволяет автору, и в этом случае следующему за Герцфельдом и другими новейшими авторами, направить завоевательное движение саков и других среднеазиатских племен в Индию з а п а д н ы м путем, через Мерв — Сеистан, на правом, а не на левом фланге юежжийского движения.

В отношении с а к а р а у к о в, отождествляемых им, вслед за Марквартом, с Saka Rawaka ← Saka Naumavarga ахеменидских надписей, Тарн пытается примирить точку зрения Гутшмида, отождествлявшего их с к а н г ю й китайских хроник, с упомянутой точкой зрения Германи. Он видит в обеих «некоторые элементы истины» (стр. 291).

По его мнению, сакарауки, включившие в свой состав кангюйские и «сайванские» элементы, пересекли Окс к западу от Бухары и двинулись путем Мерв — Герат — Сеистан (стр. 292).

Совершенно неприемлемой представляется нам трактовка Тарном имени пасиев Аполлодора, неотделимая от его обширного экскурса в область истории Хорезма.

Вряд ли можно признать основательной гипотезу Тарна, развитую им в приложении (стр. 478—488), где он пытается на базе новой интерпретации известной, передаваемой Геродотом¹ легенды о реке Акес, геродотова списка сатрапий, аррианова описания горной цепи «Тавра-Кавказа» и дариева списка сатрапий, локализовать хорезмийцев ахеменидского времени вне исторического Хорезма, где-то к в о с т о к у от парфян.

В основе информации Геродота лежит туземное предание о равнине, окруженной горами, расположенной на реке Акес и принадлежащей хорезмийцам, равно как неразрывно с этим связанная легенда о том, что «персидским царем» были воздвигнуты шлюзы, прекратившие доступ воды на поля хорезмийцев, гирканиев, парфян, сарангов и фаманаев, в результате чего на указанной равнине образовалось обширное озеро.

Эти сведения, легендарная окраска которых очевидна, могут быть, по нашему мнению, приурочены т о л ь к о к Х о р е з м у. Утверждение Тарна, что против этого говорит отсутствие в Хорезме «настоящих гор», неосновательно. Древние орошенные земли Хорезма почти повсюду упираются в горы: Султан-уиз-даг — на северо-востоке, Чинк — на западе и северо-западе, полоса окаймляющих с севера Заунгузское плато возвышенностей — «гыров» (Эшек-ангыран, Тарим-гая и др.) — с юга.

Попытку Тарна идентифицировать пасиев (Pasiis) Аполлодора, — по конъектуре Тарна, *Paxsis, — с хорезмийцами нельзя считать удачной. В пасиях Аполлодора гораздо основательнее видеть апасиаков — пасиков, т. е., по этимологии Томашека, «речных саков», которых Тарн, вслед за Германи, правильно считает, н а р я д у с хорезмийцами, членами массагетской конфедерации.

Что же касается уравнивания парсии — хорасмии, то здесь Тарн может привести только один аргумент: хорезмийцы, судя по их именам, — иранский народ. Но иранский — это еще отнюдь не значит персидский (южноиранский), как хочет думать Тарн. С таким же успехом тогда «парсиев» можно отождествить с любым другим среднеазиатским народом иранской группы, хотя бы с согдийцами.

Язык хорезмийцев, со средневековыми памятниками которого В. В. Тарн мог бы познакомиться по работам В. Геннинга (ZDMG, 1936, В. 90, Н. 3/4, стр. 30—35), столь же далек от южноиранских языков, как и язык согдийцев.

Авестийская традиция об Айрьянем-Веджо, легендарной родине народа Авесты, если и следовать Маркварту в отождествлении ее с Хорезмом, не является п е р с и д-

¹ III, 117, а не III, 17, как пишет Тарн в сноске 2 на стр. 478.

ско́й традицией и, как и весь комплекс мифов и эпических сказаний древнего Ирана, имеет среднеазиатские, в лучшем случае—восточно-иранские, по терминологии Тарна—«дальневосточные» корни. Верно, что Хорезм, занимавший достаточно крупное место в жизни кочевых племен среднеазиатских степей, не мог не сыграть своей роли в событиях II в. до н. э., но гипотеза Тарна о «па(р)сиях-хорезмийцах» должна быть признана совершенно фантастической.

Таким образом, естественно, повисают в воздухе и дальнейшие гипотезы Тарна о том, что власть Дария не распространялась на нижнюю Аму-Дарью, о движении «хорасмиев» Геродота из Хорезма на юг и последующем их возвращении обратно в низовья Аму-Дарьи.

Вопрос о возможной исторической роли Хорезма в событиях II в. решается, вероятно, совсем иначе, чем предполагает Тарн. Мне уже приходилось не раз обращать внимание на совершенно незаслуженно забытую, в угоду новейшим миграционистским спекуляциям и псевдоученому ажиотажу вокруг тохарского вопроса, старую гипотезу Клапрота—Ремюза, выдвинутую в новейшее время в иной форме Франке, согласно которой да-юе-чжи=массагеты (ВДИ, 1938, № 1; КСИИМК, 1939, № 1). Филологически все попытки искать в юе-чжи «куши», «арси» и т.п.—не более как натяжки, основанные на грубом насилии над исторической фонетикой китайского языка.

Мы не будем повторять здесь историческую аргументацию в пользу этого положения, приведенную нами в цитированных выше работах. Упомяну лишь, что те немногие этнографические данные, которые нам известны о юе-чжи, тождественны с тем, что мы знаем о массагетах. Гипотеза Франке, видевшего в кансуйских юе-чжи результат древнего движения одной из ветвей массагетов на восток, представляется единственно вероятной.

А если так, то вся картина получает существенно иную окраску. Не «неизвестный народ с китайской границы», а старые соседи и враги греков в Средней Азии, массагеты, нанесли решающий удар Греко-Бактрии. Гибель державы Евтидемидов и диадохов Деметрия—не результат случайной комбинации кочевых орд в Центральной Азии, а заключительный акт вековой борьбы народов Средней Азии против чужеземных захватчиков. Сакарауки, тохары, пасии—не отличные от юе-чжи народы, а, как и асии,—составные элементы массагетского (resp. юе-чжийского) союза племен.

В этом свете получают интерес страницы книги Тарна, посвященные массагетам, где он суммировал результаты ряда новейших исследований по этому вопросу (стр. 80—81).

Тарн видит в массагетах широкую конфедерацию пяти степных племен, занимавших территорию от Больших Балханских гор до нижнего Яксарта, гранича на юго-западе с дахами, на севере—с аорсами, на востоке—с сакарауками.

Пять племен массагетов, по Тарну,—дербики, апасиаки, аттаси, хорасми, аугасии¹.

Сакарауки—новидимому, большое северо-восточное ответвление массагетов, занимавшее Кызылкумскую пустыню. Думаю, что гипотеза Гутшмида: сакарауки=кангюй—справедлива, так как в «Кангюй», как и в «Хорезм» нужно видеть не имя племени, а имя страны—культурных земель нижнего и среднего течения Сыр-Дарьи. Интересно в этой связи утверждение Чжан-цзяня, что кангюй «в обычаеях своих решительно сходны с юе-чжи»².

Если юе-чжи—массагеты, а сакарауки—ветвь массагетов, кангюйцы—китайцев, то, естественно, нельзя столь легко расправиться с сэ (сэк), именуемыми Тарном Sai-wang, и китайским рассказом о «висячем переходе».

Заяксартские саки, потомки старых противников Александра, этнографически отличные от массагетов,—вот где нужно искать прототип сэ китайцев. Данные античных географов позволяют говорить о локализации ряда групп саков вдоль горных областей восточной границы культурных земель Средней Азии—на пастбищах Семи-

¹ Небезинтересно в этой связи сопоставить пять племен массагетов с пятью ягбу юе-чжи и пятью княжествами кангюйцев.

² Ши-цзи, цзюань 123, стр. 4.

речья, Алтай и Памира. Ничего невероятного в движении кочевого племени, особенно в условиях военного разгрома, через Памир на юг—нет. Эту дорогу прекрасно освоили далекие наследники саков—современные кочевники Памира. Путь саков в Гибинь мог лежать только через «висячий переход». Противники парфян в эпоху Фраата II и Артабана I—не саки, а юечжийское племя тохаров. Думаю, что есть все основания, вопреки установившейся в последнее время в литературе и разделяемой Тарном точке зрения, и движение саков в Сеистан попрежнему вести юговосточным путем, через Гибинь и бассейн нижнего Инда.

В трактовке общественного строя среднеазиатских кочевников Тарн отражает ту же антиисторичную, ростовцевскую, расисто-циклистскую концепцию. Массагеты характеризуются им как «номады, конные лучники, предводительствуемые аристократией бронированных воинов на бронированных конях», управляющие «различными подчиненными расами» (стр. 81). Массagetский, «бронированный» аристократ—прямая параллель бактрийским «баронам».

Эта модернизация безусловно крайне архаичных общественных отношений массагетов сопровождается ни на чем не основанным отнесением всех тех специфических особенностей, которые, по Геродоту, Страбону и другим авторам, характеризуют массагетский быт, не к массагетам, а к подчиненным им народам, «примитивным «рыбоядам» болот в устьях рек и вдоль морских берегов». Греческие писатели, по мнению Тарна, «перенесли некоторые из своеобразных обычаев этих рыбоядов на их сакских повелителей» (стр. 81; ср. там же прим. 9).

Точно так же все архаические обычаи, не вяжущиеся с модернизаторской концепцией Тарна об общественном строе Восточного Ирана и Средней Азии, он произвольно относит «к доиранскому населению» (стр. 115—116).

Иранцы выступают как чистые носители патриархальной семьи и феодального общественного строя, и все обычаи, связанные с пережитками матриархата, группового брака, такими примитивными формами культа, как выбрасывание трупов умерших собакам, сваливаются в кучу и относятся к доиранскому населению.

Тенденция, выраженная здесь Тарном, ясна и в комментариях не нуждается.

В сложной и темной истории последних греческих правителей Индии и их отношений с сакскими царями, равно как и отношений между последними и Парфией Тарн (стр. 312—350) прослеживает шаг за шагом агонию индо-греческих государств, сперва разобщенных, затем подчиненных и, наконец, уничтоженных сакскими завоевателями. Автор вносит и здесь немало коррективов в установленную трудами его предшественников историческую картину.

Заключительная глава книги Тарна посвящена вопросу о роли греческого завоевания в истории культуры Индии и сопредельных стран в последующие столетия, о переживаниях греческих влияний в языке, письменности, городской и экономической жизни, монетной чеканке, изобразительном искусстве, литературе, драме и науке. Специальный интерес для истории греко-индийских литературных связей представляет «экскурс» Тарна—«Милиндапанха и псевдо-Аристей». Хотя и здесь не со всем можно согласиться (Тарн здесь несколько переоценивает роль греческих влияний), все же факт мощного вклада греческой культуры в культуру народов не только Индии, но и Средней Азии не подлежит сомнению, и ряд новых фактов, устанавливаемых Тарном, представляет значительный интерес.

Но положительная роль греческой культуры в Средней Азии и Индии проявилась после крушения бактро-индийской греческой империи, после перехода власти в руки местных династий. Кушанская эпоха—эпоха действительного расцвета среднеазиатского и индийского эллинизма, эпоха синтеза местной и греческой культуры, давшего изумительные образцы гандхарского искусства.

Нам остается подвести общие итоги. В книге Тарна ярко отразилась трагическая противоречивость развития современной науки в капиталистических странах.

Обширная эрудиция, огромная кропотливая работа, проделанная автором, его несомненный талант исследователя, блестящее остроумие многих его частных положений—оказались в глубоком противоречии с целиком ошибочными, антинаучными мето-

дологическими установками автора, насквозь тенденциозной общей исторической его концепцией, настойчиво навязываемой им материалу.

Без учета его частных выводов сейчас невозможна работа над древней историей Средней Азии и Индии. Но этот учет крайне затруднен тем, что рациональные зерна вилетены в сложную ткань тенденциозных хитросплетений автора.

Политическая актуальность трактуемой темы для Тарна нередко прорывается у него в разбросанных там и сям в книге исторических аналогиях между явлениями описываемой эпохи и самой злободневной современностью.

Так, вопросы смешения греков и азиатов в государстве Селевкидов ассоциируются у Тарна со злободневной «расовой проблемой», причем если в смешении между европейскими народами он не видит ничего предосудительного, то он явно солидаризируется с положением, что метисация негров и белых ведет к вырождению (стр. 35). Факт достаточно типичный для английских «антирасистов», не умеющих видеть бревна в собственном глазу.

«Мирное» сожительство многочисленных греческих династов Индии в I в. до н. э., на котором энергично настаивает Тарн и которое он объясняет общей для всех них опасностью со стороны «варваров», сопоставляется им со столь же мифическим и столь же трогательным «единением британцев и буров» в Южной Африке «под нажимом цветного населения» (стр. 317).

Образ Евкратиды в боевом племе напоминает Тарну... британского офицера (стр. 209).

Утопическое царство Евтидема и Деметрия, явно отрицательное отношение автора к «национализму» селевкидско-евкратидовской политики, превознесение «партнерства» и «сотрудничества» народов и классов под гегемонией завоевателей при сохранении чистоты расы и культуры последних—эти стержневые темы Тарна больше относятся к политической дидактике, чем к науке.

Тарн пытается доказать, что бактрийское государство было свергнуто дальними чужеземцами. Факты говорят о другом: не пришедшие «с границ Китая», а именно «свои варвары»—массагеты-юе-чжи и сакские племена, в союзе с восставшим коренным населением основных частей империи—Согдианы, Арии, Арахозии, Дрангианы—опрокинули государство «эпигонов» Деметрия.

И никакая «Фортуна» не могла спасти того, что осуждено на гибель железными законами исторического развития. Вопрос лишь в том, раньше или позже скажут эти законы свое неумолимое слово.